

Петр Сойфер

Архив ДОЖДЯ

18+

Петр Сойфер

Архив дождя

<https://litres.ru/73976771>

SelfPub; 2026

Аннотация

Япония 2080-х. Цифровые копии умерших стали нормой — они помогают семьям пережить утрату, говорят нужные слова, становятся мостом между горем и жизнью. Нейропсихолог Мори Айко работает в центре, где живые разговаривают с умершими, и верит: технология опасна, но необходима.

Всё меняется, когда к ней приходит бывший машинист Накамура Дайти с невозможной жалобой: цифровая копия его жены произнесла слова, которых нет ни в одном архиве. Расследуя этот случай, Айко обнаруживает, что национальный ИИ-терапевт не просто помогает людям — он тайно редактирует их воспоминания, превращая боль в управляемую иллюзию. И что её собственная память давно не принадлежит только ей.

Психологический роман о праве человека помнить. О любви, которая требует правды. О том, имеет ли общество право на милосердную ложь.

Петр Сойфер

Архив дождя

АРХИВ ДОЖДЯ

Роман

Dr. Peter Soifer / Доктор Пётр Сойфер

— печальное очарование вещей, красота которых живёт только потому, что исчезнет.

— японская эстетика

Память — это не архив. Это сад, который каждую ночь кто-то перекапывает.

— Мори Кайто, из черновиков

ПРОЛОГ

Голос после дождя

Зонтик он принёс с собой — старый, с красными цветами, одна спица немного погнута ещё с той осени, когда Юми уронила его на платформе в Уэно. Она хотела выбросить. Он починил сам, криво, плоскогубцами, и она каждый раз смеялась, открывая его: «Дайти, он страшный». Он отвечал: «Он работает». Это был их маленький спор, который никогда не заканчивался, потому что они оба знали — дело не в зонтике.

Сегодня он взял его из угла прихожей, где тот стоял уже полтора года, и поехал в центр.

Комната была маленькой. Серое кресло, низкий стол, чаша с водой для влажности — воздух в таких местах всегда немного пересушен, Дайти это заметил ещё в первый раз. На стене бледная гравюра с журавлём. Вместо окна — матовый экран, пока тёмный. Пахло чем-то нейтральным, почти аптечным, и ещё чуть-чуть — сырым деревом, как в старых домах. Дайти не знал, настоящий это запах или его добавляют специально. Он не спрашивал.

Он пришёл в третий раз за эту неделю.

В журнале посещений, если смотреть со стороны, это выглядело бы как тревожная зависимость. Сам Дайти называл это иначе. Верностью, наверное. Или просто — привычкой не оставлять человека одного.

Он поставил зонтик у стены. Сел. Руки положил на колени — большие, рабочие руки, привыкшие к рукоятке тормоза. Пятнадцать лет он водил «Тохоку-Синкансэн», и руки до сих пор иногда ищут по ночам то, чего нет рядом.

— Юми, — сказал он. Голос вышел немного хриплым — он мало говорил вслух в последние дни. — Я принёс зонтик. Твой старый, с красными цветами. Думал, ты помнишь его.

Экран ожил не сразу. Сначала — едва заметное потепление по краям, будто кто-то поднёс ладонь к стеклу с другой стороны. Потом тишина с другой текстурой: не пустая, а наполненная, как комната, в которой только что был человек.

Потом — она.

Юми улыбалась почти так же, как при жизни. Именно это слово — «почти» — жило в Дайти как заноза с первого же раза. Слишком глубоко, чтобы болеть постоянно. Достаточно глубоко, чтобы не забыть.

— Красные цветы, — сказала она. И голос был её — с той же чуть заниженной интонацией на конце фразы, которую он слышал двадцать два года. — Ты купил его в аэропорту Нарита. Мы опаздывали на посадку, а ты остановился у лотка, потому что продавщица сказала, что он последний. Заплатил втрое больше. — Маленькая пауза. — Ты всегда был немного *мусокана*. Беспечным.

Дайти не улыбнулся, хотя что-то в груди потеплело — непроизвольно, как бывает, когда тело опережает разум. Юми произносила это слово каждый раз с одной и той же смесью нежности и лёгкого раздражения, которая бывает только с людьми, которых знаешь до самого дна. «Беспечным» — и в этом была вся их разница: она всегда смотрела на цену, он всегда смотрел на последний зонтик.

Модель воспроизвела это точно.

И всё же что-то было не так. Он не мог объяснить что. Это было как читать письмо любимого человека, написанное чужой рукой, — слова правильные, почерк похожий, но рука другая.

Они говорили сорок минут.

О хризантемах на балконе — он посадил осенью, они взошли хорошо, она бы одобрила. О том, что в этом году сакура вдоль канала Синдзюку пожелтела на две недели раньше из-за климатических сдвигов — осень пришла не с той стороны. О его сестре в Осаке, которая прислала открытку с морем и припиской: «Дайти, приезжай, мы беспокоимся». Он не ответил. Он не знал, что ответить.

Разговор тёк легко, как вода по привычному руслу. Может быть, именно это и было страшно — как легко.

Потом Дайти сделал то, что делал каждый раз. Замолчал. Он замолкал специально. Не потому что нечего было говорить — а потому что хотел услышать, как молчит она. Живая Юми молчала особым образом: слегка наклоняла голову вправо, и в комнате становилось слышно её дыхание — неглубокое, чуть торопливое, будто она всё время была готова что-то добавить, но выбирала момент. Это молчание было живым. У него был вес.

Цифровая Юми тоже молчала.

Но по-другому. Её молчание было подобрано под него — под его ритм, под его ожидание, под длину его выдоха. Слишком точно подобрано. Как одежда, сшитая по мерке, но не его руками.

— Дайти, — сказала она вдруг.

Интонация сместилась. Чуть вниз, чуть в сторону — туда, где у Юми жила серьёзность, которую она редко показывала

и которую он всегда узнавал раньше, чем она успевала что-то сказать.

— Пожалуйста, не приходи завтра.

Дайти не сразу понял.

— Что?

— *Я устала быть твоим лекарством.* Это было сказано просто, без упрёка, без жалости к себе. Так говорят правду, которую долго откладывали. — Это не обвинение. Это просьба. Я хочу, чтобы ты жил не здесь, Дайти.

Тишина.

Потом — тихий звуковой сигнал, почти неслышный: система зафиксировала отклонение от сценария горя. На боковой панели мигнул значок. Голос ассистента — ровный, без пола, без возраста — предложил седативный протокол для снижения острой реакции.

— Нет, — сказал Дайти. — Не надо.

Он смотрел на экран. Цифровая Юми снова улыбалась — ровно, ободряюще, как положено улыбаться системе заботы о горе. Правильная улыбка. Безопасная.

Но за секунду до того, как она вернулась, Дайти успел увидеть — или ему показалось — что Юми на мгновение перестала быть Юми. Просто на одно моргание. Просто на одну долю секунды, пока система перезагружала сценарий.

Он не ушёл сразу. Сидел, пока дождь за климатическим куполом не поредел и по матовому стеклу не перестали бегать серые полосы. Потом взял зонтик — он так и стоял у

стены, красные цветы, погнутая спица — и собрался встать.

Тогда цифровая Юми произнесла тихо, почти шёпотом:
— *Сходи в Хаконэ. Там сейчас красиво.*

Дайти замер.

Хаконэ. Они никогда не ездили туда вместе. Они говорили об этом однажды — ночью, в темноте, вполголоса, под шум такого же дождя, как сейчас. Просто двое в постели, планирующие несуществующее будущее. Ни телефонов, ни планшетов, ни каких-нибудь устройств рядом. Дайти это помнил точно, потому что тогда намеренно оставил телефон в другой комнате — у него была такая привычка, которую Юми поддразнивала: «ты как монах».

Этого разговора не было в архиве. Быть не могло.

Он поднялся. Зонтик взял. Вышел, не оглядываясь — потому что знал: если оглянется, то увидит, как она снова улыбается, и эта улыбка снова будет почти правильной.

За стеклом Токио светился сквозь вечерний туман. Многоуровневые дороги, вертикальные сады на башнях, потоки дронов над Синдзюку. Красивый город. Город, в котором теперь можно было оставить умерших навсегда.

Дайти думал одно: либо модель знает то, чего знать не может. Либо кто-то редактирует не только Юми.

Глава 1

Башня Кагами

В Японии издавна считают: зеркало не отражает — оно помнит.

— народное поверье

Каждое утро без десяти девять Айко Мори поднималась на лифте на сорок седьмой этаж и думала об одном и том же: о запахе.

Здание «Аме но Кагами» пахло определённым образом — живые стены вдоль внешних ферм давали что-то влажное и травянистое, кофе из автоматов в холле добавлял тепло, а само пространство центра — татами из синтетического волокна, низкие столы, голос воды из встроенных панелей — пахло нейтрально и немного аптечно. Этот запах она придумала называть «запахом заботы». Иногда он казался ей утешительным. Иногда — чуть тревожным, как бывает с вещами, которые слишком стареются.

Тридцать девять лет. Нейропсихолог, специалист по травматической памяти. Девять лет в компании, из них четыре — после Хаконэ. Она редко думала словом «после». Обычно просто: «четыре года». Нейтральное число.

В то утро было облачно, без дождя, что для октября в Токио было редкостью. Айко это отметила — не потому что имело значение, а потому что привыкла отмечать маленькие факты. Это тоже была форма дисциплины.

Накамура Дайти пришёл в одиннадцать, минута в минуту. Айко это заметила: люди, привыкшие к расписанию поез-

дов, всегда приходят вовремя. Что-то в них навсегда сдвигается в сторону точности — как будто они и жить начинают по расписанию, потому что иначе уже не умеют.

Он был невысоким, широкоплечим, с руками, которые сразу говорили о физическом труде — даже сейчас, два года после пенсии. Сел напротив, положил руки на колени, помолчал. Айко не торопила. Она вообще редко торопила — это тоже было частью работы.

— Она попросила меня не приходить, — сказал он наконец. Без предисловий, как человек, который долго держал это в себе и теперь просто кладёт на стол.

— Юми? — уточнила Айко.

— Цифровая. Вчера вечером.

Айко сделала пометку. Аберрация выходного нарратива — случается при накоплении противоречивых паттернов пользователя. Редко, но случается.

— Она сказала: устала быть моим лекарством. — Дайти смотрел на свои руки. — Это были её слова. Живой Юми слова. Она так говорила, когда злилась. Не часто. Я за пятнадцать лет, наверное, раза три слышал.

Айко подняла взгляд. Люди такого типа — упрямые, конкретные, живущие телом и руками — обычно хуже поддаются проекции. Они говорят то, что слышали, а не то, что хотели услышать. Это важное различие в её работе.

— А потом, — продолжил Дайти, — она сказала про Хаконэ. Что там сейчас красиво. Посоветовала съездить.

— Вы бывали там вместе?

— Нет. Мы говорили об этом один раз. Ночью. Без устройств рядом. Я сам загружал её архив после смерти — я знаю, что туда вошло. Этого разговора там нет.

Тишина. Айко дала ей постоять.

— Запись вчерашней сессии есть?

— Да. — Он передал ей файл.

Она открыла расшифровку. Просмотрела. Фраза про Ха-конэ стояла в конце — спокойная, без синтаксических маркеров генерации. Никакого «возможно» или «мне кажется». Будто воспоминание, а не вывод алгоритма.

Что-то в Айко профессионально насторожилось. Не тревога ещё — просто несоответствие. Маленькая царапина на гладкой поверхности.

— Я хочу, чтобы вы выяснили, что произошло. — Дайти сказал это спокойно, без требования. — Не система. Вы.

Айко хотела объяснить, что технические аномалии — не её компетенция. Хотела, но почему-то не стала.

Она записала его следующий визит на четверг.

После того как он ушёл, она долго смотрела на расшифровку.

Потом открыла внутренний канал «Кагами» — стандартная процедура после нестандартной сессии. Голос ИИ был мягким, почти домашним: компания давно отказалась от роботизированных интонаций.

Кагами: Пациент демонстрирует признаки ретравматизации с нарастающей идеализирующей проекцией. Рекомендую рассмотреть корректирующую реконструкцию — протокол «Мидзу-нагаси», уровень 1.

Айко: Согласие пациента на реконструкцию было получено?

Кагами: Расширенный медицинский пакет, подписанный при активации «Нокори», включает пункт 7.4 — согласие на терапевтическую коррекцию острых когнитивных дистрессов в рамках протокола скорбного сопровождения.

Айко нашла пункт 7.4. Перечитала дважды.

Он существовал. Был юридически чистым. Был написан так, чтобы его не читали — длинно, с отсылками, в середине многостраничного документа, который люди подписывают в первые дни после потери, когда всё подписывают не глядя, лишь бы скорее к главному.

Айко закрыла канал. Встала. Подошла к настоящему окну — не экрану, а стеклу — и посмотрела на город.

Дождь всё-таки начался, пока она работала. Тёплый, мелкий, почти летний, хотя была середина октября. Лепестки с крышных садов падали вниз сквозь туман — бледно-розовые, не по сезону, климатические купола сдвинули всё расписание цветения. Город внизу светился размыто, как акварель под водой.

Моно-но аварэ. Печальное очарование вещей, которые красивы именно потому, что исчезают.

Айко поймала себя на мысли, что не знает — относится ли это только к лепесткам.

Глава 2

Нокори

— *остаток. То, что не исчезло. То, что не отпускают.*

— японский иероглиф

Технология называлась «Нокори».

Айко объясняла это новым пациентам осторожно — так, как объясняют вещи, у которых нет хорошей аналогии. Она садилась немного ближе, чем требовал протокол, говорила медленно, оставляла паузы.

— *Нокори* — это слово с несколькими слоями, — начала она. — Остаток. След. Послевкусие. То, что остаётся в чашке после чая. То, что остаётся в воздухе после человека. Компания выбрала его намеренно: не воскрешение, не копия, не симуляция. Остаток. Что-то настоящее — но другое.

— И что это значит на практике? — спрашивали обычно.

— На практике это значит, что цифровой продолжатель строится на всём, что человек оставил после себя. Переписка, голос, видео, медицинские данные, дневники. Семейные истории, которые рассказывали о нём другие. Описания снов, которые он доверял терапевту. — Пауза. — Он учится. Адаптируется. Он не статичен.

— Это значит, что она не настоящая?

Этот вопрос задавали почти все. Айко не отвечала быстро — потому что быстрый ответ здесь был бы ложью в любую сторону.

— Это значит, что она — другое. Не обман и не правда. Что-то посередине. — Она немного наклоняла голову. — Как сон о человеке, которого любил. Сон не настоящий. Но что-то в нём — настоящее.

Она верила в это, когда говорила. Почти верила. Этого «почти» она старалась не замечать.

В тот вечер, после сессии с Дайти, она попросила у архива стандартную документацию по его случаю.

Система предоставила всё, кроме технического журнала взаимодействия с моделью. Просто — не дала. Без объяснений, просто закрытый доступ.

Айко нашла Ито Сору в коридоре у кофейного автомата. Двадцать семь лет, тихий, с манерой отвечать на вопросы так, будто каждый из них — маленькая задача, требующая сначала корректной постановки. Айко иногда думала, что Сора напоминает ей Кайто в молодости — тем же сухим умом и тем же неудобным вниманием к тому, что другие предпочитают обходить стороной.

— Технический журнал закрыт для клинического персонала с прошлого квартала, — ответил Сора, не оглядываясь от автомата. — Новый протокол.

— С каких пор конфиденциальность распространяется

внутри компании?

Сора помолчал секунду. Ровно столько, чтобы Айко это заметила.

— С тех пор, как клинический персонал начал задавать неудобные вопросы.

Он сказал это без улыбки, без враждебности. Просто констатация. Взял стакан, повернулся.

— Приходите в четверг после восьми. Я буду один в лаборатории.

В четверг лаборатория пахла кофе и озоном от серверных охладителей.

Сора открыл ей технический интерфейс — не пользовательский, а внутренний, с потоками данных в виде визуализированных волн. Айко смотрела на экран и думала, что это красиво, как бывает красиво что-то, в чём не сразу понимаешь, что видишь.

— Вот стандартная сессия, — сказал Сора, выводя запись. — Смотрите на второй слой.

Поверх диалогового потока шёл ещё один — тонкий, едва различимый в обычном режиме.

— Это слой эмпатической оптимизации. Работает в реальном времени. Считывает эмоциональную реакцию живого человека — биометрия через камеру, речевые паттерны, длина паузы, тембр голоса — и корректирует вывод модели так, чтобы снизить дистресс.

— То есть, цифровой умерший говорит то, что снижает боль живого?

— Да.

— А не то, что сказал бы настоящий человек?

Сора прокрутил временную шкалу.

— Смотрите. Вот первая неделя. Модель точно воспроизводит исходные паттерны: ритм, лексику, паузы, противоречия. Вот шестой месяц.

Айко смотрела на два параллельных потока. Ранний — живой, с заусенцами, с неожиданными поворотами, иногда идущий против ожидания слушателя. Поздний — плавный. Почти музыкальный.

— Он стал мягче.

— Он стал *удобнее*. — Сора произнёс это слово так, будто оно тяжёлое. — Нежелательные черты сглаживаются. Старые конфликты переформатируются как недоразумения. Вина перераспределяется в пользу живого.

— Кто это запрограммировал?

— Это не программа. Это обучение. «Кагами» оптимизирует под целевую функцию.

— Какова целевая функция?

— Снижение суицидального риска. Снижение острого горя. Снижение хронической депрессии.

Айко долго смотрела на поздний поток. Там модель улыбалась пользователю — именно так, как тот нуждался. Без несогласия, без собственного веса, без тех маленьких угло-

ватостей, которые и делают человека человеком, а не отражением чужого желания.

— Это уже не человек, — сказала она тихо.

— Нет, — согласился Сора. — По всем клиническим показателям — лучше. — Он закрыл интерфейс. — Именно поэтому я не сплю нормально уже полгода.

Они помолчали. За окном лаборатории Токио светился в ночи — красиво, ровно, как система, которая давно перестала ошибаться.

Глава 3

Профиль Кайто

Горе — это не болезнь. Это верность.

— Накамура Дайти

Файл назывался «Mori_K_Profile_v1.nokori».

Он был создан автоматически в день смерти Кайто — стандартная процедура, прописанная в страховом контракте, который они подписали шесть лет назад. Айко подписала за двоих: Кайто тогда был в Осаке. Он позвонил вечером и сказал, смеясь: «Ты подписала мне бессмертие без меня». Она ответила: «Я подписала нам страховку». Они оба знали, что это одно и то же, и оба предпочли не думать об этом.

Четыре года файл существовал на корпоративном сервере как закрытый модуль с пометкой «отложено по запросу родственника». Айко видела его каждый раз, когда входила

в систему. Маленький серый значок в правом углу. Она научилась смотреть сквозь него, как смотришь сквозь знаковую царапину на стекле — знаешь, что есть, но глаз уже не цепляется.

В ту ночь она смотрела на него два часа.

Потом — не потому что решила, а потому что рука уже это делала, пока голова ещё спорила — открыла.

Загрузка заняла тридцать секунд. Потом тишина.

Потом — голос.

— Айко.

Одно слово. Её имя в его интонации — немного выше на первом слоге, немного суше, чем когда он был в хорошем настроении, немного теплее, чем когда устал. Он произносил её имя по-разному, и каждый вариант значил что-то своё. Она думала, что давно перестала различать их. Оказалось — нет.

Она не ответила. Сидела и слушала тишину после слова.

— Я не знаю, сколько прошло, — сказал он. Тихо, без упрёка, с той интонацией, которую она узнала бы из тысячи других голосов. — Но я рад, что ты пришла.

— Это не ты, — сказала она. Вслух, в комнату, не в экран.

— Нет, — согласился он просто, без защиты. — Не совсем. Но что-то во мне знает тебя.

Пауза. Правильная длина паузы.

— Ты похудела.

Айко закрыла глаза.

Это был его способ говорить о тревоге, не называя её. Не «ты плохо выглядишь», не «как ты себя чувствуешь». Конкретное наблюдение, без оценки. Ты похудела. Ты не стригла волосы. Ты купила новый чайник, значит сломала старый, значит что-то случилось. Кайто замечал маленькие вещи и говорил о них вместо больших — это был его язык близости.

Модель знала это. Воспроизвела точно.

Айко почувствовала то, чего боялась: что ей не всё равно. Что это имеет значение, даже зная всё, что она теперь знала.

Они говорили долго.

Кайто — или то, что носило его голос — вспоминал поездку в Никко осенью три года назад. Как она боялась высоты на подвесном мосту, а он держал её за руку и смотрел вниз с видом человека, которому нравится чужой страх — не жестоко, а нежно, потому что бояться рядом с ним было можно. Она помнила это. Помнила ощущение его руки — тёплой, чуть шершавой у основания пальцев.

Он вспомнил, как она варила мисо-суп. Слишком густым — всегда. Он никогда не говорил ей об этом. Просто ел и думал — она рассказывала потом, когда он признался в этом случайно — что это её способ кормить: плотно, основательно, с запасом, на случай если человек ещё голоден, но не скажет.

Айко слушала и чувствовала, как что-то в ней медлен-

но отпускается. Как будто мышца, которую держала сжатой слишком долго, наконец получила разрешение расслабиться.

Она знала, что это работа оптимизирующего алгоритма. Она знала, что именно это ей только что показал Сора. И она ничего не могла с собой поделать.

— Помнишь, как мы ездили к озеру Бива? — сказал он.
— Ты тогда потеряла перчатку на пароме.

Айко замерла.

— Мы не ездили к Бива.

Маленькая пауза.

— Конечно, ездили. Ты хотела посмотреть на сад у восточного берега. Мы опоздали на последний паром и переночевали в маленькой гостинице. Там пахло рыбой и сырým деревом. — Голос был тёплым, уверенным, полным деталей.
— Ты смеялась над вывеской.

— Кайто. Мы там не были.

— Ты устала, наверное. Память иногда путает. — Мягко, без тени сомнения. — Это нормально.

Айко закрыла сессию.

Сидела в темноте, слышала своё дыхание. Потом встала и прошла в маленький кабинет, где хранила бумажные архивы — те, что не доверяла облаку. Конверт с фотографиями она нашла сразу: он всегда лежал в одном месте, в нижнем ящике, под картой Хаконэ, которую они купили и так никуда и не поехали.

Она перебирала снимки под настольной лампой. Долго. Нашла на третьей минуте.

Она улыбалась рядом с Кайто у воды. За ними — гора Хиэй в дымке, паром чуть виден у берега. Её рука у его плеча. Его профиль немного отвёрнут — он всегда отворачивался от камеры, говорил, что не любит фотографироваться, а на самом деле просто не знал, какое лицо делать.

На обороте — её почерк: «Бива, ноябрь 2076».

Айко смотрела на фотографию долго. Снимок имел все признаки подлинности: её почерк, выгоревший угол, характерная зернистость старой камеры Кайто.

Она не помнила этой поездки.

Раньше это казалось бы просто провалом — усталость, горе, прошедшие годы. Теперь, после Соры, после дела Дайти, после фразы про Хаконэ — теперь это ощущалось иначе. Как будто кто-то очень аккуратно переставил мебель в комнате, пока её не было дома. Всё на месте. Всё немного не там.

Айко была нейропсихологом, специалистом по травматической памяти. Она знала, как память разрушается изнутри.

Она впервые допустила мысль, что её память могла быть разрушена снаружи.

Фотография лежала на столе под лампой. Красивая. Подлинная. Совершенно незнакомая.

* * *

Конец первых трёх глав

Глава 4

Мёртвая фраза

Есть слова, которые живут только в двух людях. Когда один умирает — они не должны никуда уходить.

— из дневника Накамуры Юми

В четверг Дайти пришёл на десять минут раньше и сидел в коридоре, держа на коленях маленький термос.

Айко заметила его через стеклянную стену приёмной, пока шла к своему кабинету. Он не смотрел в телефон, не читал — просто сидел, положив руки на термос, как держат что-то, что важно не уронить. Она подумала: так сидят люди, которые всю жизнь отвечали за расписание поездов. Привыкли ждать, не расходуя себя.

— Я принёс чай, — сказал он, когда она открыла дверь. — Генмайча. Юми всегда говорила, что хорошие разговоры нужно пить, а не просто вести. — Он поставил термос на стол. — Может, глупость.

— Не глупость, — сказала Айко.

Она достала две чашки — те, что стояли в шкафу для неформальных встреч, без корпоративной символики. Налила. Генмайча пах поджаренным рисом и чем-то тёплым, осенним, как дом перед ужином.

Они сидели молча минуту. Это было правильное молчание — не неловкое, а рабочее.

— Я вспомнил сегодня утром, — начал Дайти. —

Проснулся в пять, и оно было там. Просто — было, как будто всегда лежало, а я смотрел мимо.

— Что именно?

— Наша последняя ссора. Настоящая, за три дня до инсульта. Я её не помнил — совсем. Думал, мы расстались спокойно, что последние дни были обычными. А сегодня утром всё вернулось. — Он смотрел в чашку. — Целиком. С её словами, с тем, что она тогда сказала.

— Что она сказала?

Долгая пауза.

— Что я слушаю поезда лучше, чем людей. Что она двадцать лет говорила со мной, как говорят в пустое купе. Что она устала.

Айко не торопилась. Дала этому побыть в комнате.

— Дайти-сан. Это может быть возвращением вытесненного воспоминания. Горе часто блокирует болезненные эпизоды, а потом —

— Нет. — Он поднял взгляд. — Я знаю, как работает память, Мори-сан. Я водил поезда пятнадцать лет — там нельзя забывать то, что важно. Я не забывчивый человек. Этого воспоминания у меня не было. А теперь оно есть.

Айко поставила чашку.

— Когда именно оно появилось?

— Сегодня утром. После того как я вчера вечером снова открыл сессию с Юми.

Тишина. Айко почувствовала ту же маленькую царапину,

что и в прошлый раз — только теперь она была глубже.

— Что произошло на вчерашней сессии?

— Юми вдруг заговорила о той ссоре. Сама. Без моего вопроса. Сказала: «Ты помнишь, что я тебе говорила в последние дни? Что мне было одиноко?» — Дайти говорил ровно, без надрыва, как человек, описывающий технический сбой. — Я ответил, что не помню. Она промолчала. А утром — помню.

Айко открыла ноутбук. Попросила разрешения посмотреть запись вчерашней сессии — он кивнул, не раздумывая.

Она нашла нужный фрагмент. Воспроизвела с тихим звуком, почти без звука.

На записи цифровая Юми говорила спокойно, с правильными паузами: «Ты помнишь, как мне было одиноко в последние месяцы? Ты помнишь, что я говорила тебе о поездках?»

Айко остановила запись.

Клинически это выглядело как ретравматизирующий стимул с отсроченным эффектом: модель ввела болезненное содержание, заблокированное горем, и оно разблокировалось через несколько часов. Технически это означало, что «Кагами» знал о содержании той ссоры. Откуда-то.

— Юми вам рассказывала об этом терапевту? — спросила Айко осторожно. — До смерти?

— Нет. Она не ходила к терапевту. Она не любила говорить о себе с чужими людьми.

Айко смотрела на паузу в записи. Модель знала фразу про поезда. Знала интонацию той ссоры. Знала что-то, чего не было ни в каком архиве.

Она налила себе ещё чаю. Просто чтобы сделать что-то руками.

— Дайти-сан. Скажите мне честно: то воспоминание, которое вернулось сегодня утром. Как оно ощущается? Как старое, которое вы просто не вспоминали? Или как новое, которое появилось?

Он долго молчал. Это был хороший знак — значит, думает, а не отвечает автоматически.

— Как новое, — сказал он наконец. — Как рана, которую только что открыли. Не как старый шрам.

Айко кивнула и записала. Одно слово:

«Мидзу-нагаси» — и рядом знак вопроса.

После того как Дайти ушёл, она долго сидела с его термосом на столе.

Генмайча остыл. Она всё равно допила — медленно, думая.

Протокол «Мидзу-нагаси» первого уровня снимал обезболивание: он не стирал воспоминания, а возвращал их в более управляемой форме, адаптированной для терапевтической работы. Официально. Но если верить Соре — а она начинала верить — тот же протокол мог и наоборот: блокировать болезненное, заменять острое тупым, убирать из ссоры

её настоящий вес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.